

методика нашего исследования может быть распространена на другие области и сферы. Анализ и исследование слов в контекстах посредством использования корпусов открывает преподавателям и студентам путь к более глубокому знанию, пониманию и усвоению языка, в нашем случае, ПЯ.

Мы и далее намерены проводить эксперименты с корпусами с целью выявления большего количества характеристик ПЯ и политических речей. Так, одним из направлений исследования может стать сопоставительный анализ языка Хавьера Соланы и других политиков. Другим возможным направлением является выявление особенностей речей политиков на других языках, например, на испанском, и создание параллельного корпуса (англо-испанского) с целью сопоставления и противопоставления характеристик использования ПЯ в двух языках.

БИБЛИОГРАФИЯ

Austermühl, F. Corpora as translation tools // *Electronic Tools for Translators* / ed. by F. Austermühl – Manchester: St Jerome Publishing. 2001. P. 124-133.

Biber, D., Conrad, S. & Reppen, R. (Eds.). *Corpus Linguistics: Investigating Language Structure and Use*. – Cambridge: Cambridge University Press. 2000.

Botley, S. P., McEnery, A. & Wilson, A. (Eds.). *Multilingual Corpora in Teaching and Research*. – Amsterdam: Rodopi. 2000.

Bowker, L. *Computer-aided Translation Technology. A Practical Introduction*. – Canada: University of Ottawa Press. 2002.

Bowker, L. & Pearson, J. *Working with Specialized Language. A Practical guide to using corpora*. – London: Routledge. 2002.

Granger, S., Lerot, J. & Petch-Tyson, S. (Eds.) *Corpus-based Approaches to Contrastive Linguistics and Translation Studies*. – Amsterdam: Rodopi. 2003.

Hunston, S. *Corpora in Applied Linguistics*. – Cambridge: Cambridge University Press. 2002.

Kennedy, G. *An Introduction to Corpus Linguistics*. – London; New York: Longman. 1998.

Laviosa, S. *Corpora and the translator // Computers and Translation: A Translator's Guide* / ed. by H. Somers – Amsterdam: John Benjamins. 2003. P. 105-117.

Leech, G., Rayson, P. & Wilson, A. *Word Frequencies in Written and Spoken English: based on the British National Corpus*. – London; New York: Longman. 2001.

McEnery, T. & Wilson, A. *Corpus Linguistics*. – Edinburgh: Edinburgh University Press. 1996.

Sinclair, John. *Corpus, Concordance, Collocation*. – Oxford: Oxford University Press. 1991.

Sinclair, John. *How to Use Corpora in Language Teaching*. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 1996.

Zanettin, F., Bernardini, S. & Stewart, D. (Eds.) *Corpora in Translation Education*. – Manchester: St. Jerome Publishing. 2003.

© Фернандес-Диас Г., 2008

Червиньски П.

Катовице, Польша

СЕМАНТИКА НЕГАТИВНО ОЦЕНОЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ПРИ ОБОЗНАЧЕНИИ ЛИЦ В ЯЗЫКЕ СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (статья 2)

Abstract

The units naming the persons, make one of the most numerous nominative groups of the Soviet reality language. With their help in language of the Soviet ideology and propagation were made differentiation (distribution on categories) and estimation of various groups, layers and representatives of controlled society, that it is possible to consider as one of leading tools of authority realization. The article is devoted to the working out of criteria and bases of paradigmatic description of the negative estimation categories at a designation of persons in the Soviet reality language. The outputs to representation of man in the Soviet language world picture are outlined. It is made the conclusion of necessity to elaborate the generative-perceptive base of the sovietized language for description of internal, conceptual features causing semantics and word-using of this specific usual form of national language.

Рассмотренные в предыдущей статье¹ категории места и знания, даже как категории оценочные, не могут быть специфично советскими. Необходимо, видимо, установить, чем является, что представляет собой категория советского места, советского знания и т.п., чем отличаются они от таких же других. Семантика категории советского места, равно как и всякая какая-либо другая, должна выводиться из соответствующей группы слов, в которых она себя проявляет по преимуществу: *агитпункт* как место агитационного и пропагандистского воздействия на население перед выборами, *автогигант* как место крупномасштабного производства автомобилей – необходимого элемента социалистического строительства, *автоград*, *город-герой*, *Днепрогэс*, *дом-коммуна*, *жилмассив*, *жилплощадь*, *житница*, *Запад*, *здравница*, *интерклуб*, *интернат*, *клуб*, *койко-место*. *коллония*, *колхоз*, *колыбель революции*, *комбинат*, *коммуналка*, *корпункт*, *лагерь*, *лагпункт*, *мавзолей*, *Магнитка*, *малосемейка*, *дом пионеров и школьников*, *медвытрезвитель*, *музей (революции, боевой славы, трудовой славы)*, *нацокраина*, *нацокруг* и др. Далее она себя отражает (с учетом поставленной в данной работе задачи) в отношении к обозначению лиц – *автоградец*, *автозаводец*, *бамовец*, *бомж*, *жактовец*, *жилтоварищ*, *завклубом*, *завмузеем*, *избач*, *камазята*, *каналоармеец*, *квартирант*, *койко-больной*, *колонист*, *колхозник*, *межрайонец*, *невозвращенец*, *невыездной*, *непропущенный*, *несун*, *новосел*, *переселенец*, *покоритель (целины, Вселенной, космоса)*, *попутчик*,

¹ См.: Политическая лингвистика. Вып. (3)23'2007. Гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2007. С. 118-134.

поселенец, прогульщик, селькор, турксибовец, часовой (границ, рубежей, воздушных границ). И только на следующем, третьем этапе – как категория мотивационно-оценочная – *бомж, камазьята, невозвращенец, невыездной, несун, покоритель (целины, Вселенной, космоса), попутчик, прогульщик, часовой (границ, рубежей, воздушных границ)*, в интересующем нас случае – негативной оценки – *бомж, невозвращенец, невыездной, несун, попутчик, прогульщик* и т.п.

В данной работе, имея указанный порядок в виду, мы подошли к проблеме с другого конца – от негативной оценки, задавшись при этом вопросом, какие именно категории в отношении негативной оценки лиц можно считать характерными для советского языка или, шире, языка советской действительности, поскольку, то и другое – явления связанные, но не полностью совпадающие. Советский язык, скажем так, более узкая и специфически советизированная форма русского языка, хотя не только публицистически-официальная. Языком советской действительности можно было бы считать русский язык соответствующего периода, своими формами и используемыми значениями соотносящийся с тем другим обозначенным языком.

Прежде чем постараться представить в общих чертах другие возможные виды мотивационно-оценочных категорий, влияющих на распределение слов негативного обозначения лиц в языке советской действительности, с учетом дальнейших различий, обуславливаемых их подсемантикой, имеет смысл просмотреть все слова отобранной группы с суффиксом *-ун*, с тем чтобы выявить в них возможные смысловые категориальные проявления и оттенки, а также установить намеченное в начале анализа данной группы слов различие в степени их советизированности. Оставшимися не разобранными словами будут *крикун, хрипун, шептун, плясун, пачкун* и *писун*, по-разному распределенные в своих позициях в связи с отношением к общенародным значениям-коррелятам.

Крикун в своем советском значении (синонимы *горлопан, горлохват*) называет того, кто: а) выступая публично, привлекает к себе нежелательное внимание, говоря при этом не то, что следует и что одобряется генеральной политической линией на данный момент, или б) своим криком, резкими, обращающими на себя выступлениями создает ненужное замешательство, сея сомнения, неуверенность, неодобрение в слушателях, читателях, прямо или непрямо направленные против тех, кто руководит, подрывая, тем самым, их авторитет, мешая осуществлению руководства. В представленных дефинициях можно выявить компоненты, себя повторяющие для советизированных значений. Компоненты эти имеют структурно-организующий и необходимый характер. К ним относятся проявляющий себя соответствующим образом

субъект (1) и его проявление (2) с последствиями из него (3) в отношении социальных масс (4) и тех, кто над ними и ими руководит (5) с точки зрения оценивающего, т.е. самого говорящего (6).

Интересующие нас оценочные категории концентрируются во втором компоненте, являющимся основой внутренней формы значения слова и, тем самым, его семантической мотивации. Проявление субъекта имеет отношение к тому, что связывается с представлением о **Кричать**²: 1. Издавать крик (интересующий в данном случае как очень громкое, сильное, бурное проявление субъекта); 2. Громко говорить, громко сообщать что-л. (с точки зрения оценивающего важно не то, что при этом говорится и сообщается, а то, что это делается излишне громко и демонстративно, т.е. либо по неумению сдерживаться, вести себя разумно и взвешенно, либо с целью привлечь внимание к своей особе); 3. Звать громким голосом (т.е. взывать, призывать, обращаясь, – здесь также важно привлечение внимания к себе: идея зова как увлечения тех, кого зовут, за собой); 4. Громко, резко говорить, браня, выговаривая и т.п.; орать (неумение сдерживаться в своих негативных эмоциях, вести себя взвешенно, с соблюдением норм, с целью обличать ради самого обличения, высказывать недовольство, не имея ничего от себя предложить); 5. Много и подробно обсуждать что-л. злободневное (*много, подробно* и *обсуждать* значат в данном случае, прежде всего, неконструктивно, бесплодно, безрезультатно, т.е., в итоге, демонстративно и самоцельно, для привлечения внимания к себе); 6. Быть ярким свидетельством чего-л.; указывать на что-л.; привлекать к себе внимание, будучи слишком заметным, броским (в *крикуне* все эти признаки становятся средством негативной оценочности). Категория, которая проявляет себя в данном слове, может быть определена, таким образом, в отношении **поведения** определяемого ею субъекта-лица.

К той же оценочной категории относится и *хрипун*, обозначающий того, кто соответствующей манерой речи и пения, сдавленно-сиплым, хриплым, нечистым голосом, непрямо передает свое отношение к действительности и обществу, в котором живет. Если *крикун* в категории поведения связан с ее подзначением демонстративности, привлечения внимания к себе (поведенческий демонстратив), то *хрипун* проявляет значение отношения, в данном случае скрытого, передаваемого с помощью голоса, – поведенческий релятив (имплицитный и обобщенного типа, поскольку предполагает значением отношение неприятия советской системы и советского общества, образа жизни в целом, как таковых).

² Значения даются по Большому толковому словарю русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2000.

К тому же значению релятива оценочной категории поведения, но эксплицитного, т.е. явного, объявляемого, и не обобщенного, а элективного, т.е. нацеливаемого и выбираемого, типа следует отнести, из намеченных к рассмотрению, слово *писун*. Его оценочную семантику в интересующем нас ключе, как советизм, можно было бы определить таким образом: тот, кто, будучи недоволен отдельными проявлениями и недостатками советской системы, социалистического строительства и т.п., постоянными письменными обращениями и жалобами в соответствующие органы и инстанции, под видом желая исправления, а на деле не понимая смысла и целей происходящего, отвлекает от выполнения стоящих задач, расстраивая и дезорганизуя работу руководителей разного уровня, нарушая, тем самым, стабильность действия той системы, к улучшению которой якобы в своих заявлениях стремится (на словах, не на деле). Писание его имеет характер недержания мочи: *писун* – тот, кто все время пишет, и тот, кто все время мочится, писает (обыгрываемое совмещение значений), – проявления постыдно-болезненного и неуправляемого, не контролируемого, не подвластного ему самому, но весьма досадного и неприятно-тяжелого для окружающих.

К оценочной категории поведения, но иного, не релятивного и не демонстративного, под значения следовало бы отнести, из намеченных к рассмотрению, слово *плясун*. Его оценочность определяют уход, увлеченность, убежание от того, что волнует общество, чем живут советские люди, страна. *Плясун* не враг, не вредитель социалистического строительства, но посторонний, закрытый в себе, в своем увлечении, занятии, страсти, и потому не нужный и лишний в советском обществе элемент. *Плясун* прежде всего танцовщик балета, увлеченно танцующий, сконцентрировавшийся целиком на этом своем занятии, а через него фактически на себе. Самолюбование и страсть к своему занятию могут легко подтолкнуть его к стремлению начать искать страну и место, где он мог бы с большими пользой и выходом для себя отдаваться любимому увлечению и реализовать свою страсть к нарциссизму. *Плясун*, тем самым, отчасти, потенциально связан вторично с категорией места (что отражается также в значении самого глагола *плясать* 'вращаться, перебирать ногами, подпрыгивать на месте, беспорядочно, хаотично колебаться, перемещаться, дрожать, трястись'³). Однако определяющей для него остается черта поведения: *плясать* для него означает прежде всего вести себя не как все. *Пляшет* он, с одной стороны, потому, что ничего другого не может, это его занятие. *Пляшет* он потому, что таков характер

его проявлений, обусловленный внутренней нестойкостью, неустойчивостью, не привязанностью, неумением держаться чего-то определенного, находить для себя в этом опору. *Пляшет* он еще потому, что тем самым он убежит – от себя такого, от проблем, от не удовлетворяющей его „я”, не соответствующей ему действительности. И *пляшет* он, с другой стороны, потому, что, будучи или ощущая себя преследуемым, скачет и прыгает от карающего бича (ассоциативное отражение угрозы *Ты у меня еще попляшешь! допрыгаешься! попрыгаешься!*). *Пляшет* он еще, отчасти, рискуя, возможно в силу своего характера и своих пристрастий, играя с огнем, качаясь, вращаясь, перемещаясь по краю, над пропастью (*плясать по краю, над пропастью, на краю, над обрывом*), на границе возможного и дозволенного, вдоль протянутой линии, как своего рода границы того, что разрешено, но сомнительно в своей правильности, точнее того, что не явно запрещено или явно пока еще прямо не запрещено (колебательность, дрожание, трепетание глагола *плясать*: *в руках плясать, руки пляшут*). Равно как и того, что здесь и надежно и жизнь, с одной стороны, и там, ненадежно и потенциальная гибель и смерть, с другой: *канатный плясун* – канатоходец, рискующий жизнью, пляшущий на тонкой проволоке или веревке, отделяющей жизнь для него от смерти, единственно связывающей его с тем, что жизнь, другие люди и здесь. Сомнительности в оценке занятия придает также то, что *плясать* все же не *танцевать*, поскольку *пляс, пляска, плясать* означает, прежде всего, заниматься танцами, танцевать непрофессионально. *Плясать*, в принципе, каждый может, пляшут не по необходимости, а от нечего делать и по зову души, от того, что свободны в данный момент от работы, других занятий, дела, а усталость не валит с ног, силы на это есть. Называя танцовщика *плясуном*, профессиональную его деятельность, его занятие характеризуют как несерьезное, особых квалификаций не требующее, от неумения ничего другого, безделья, скуки и внутренней пустоты, как форму ухода от важного, нужного и значительного, происходящего в обществе и в стране. Советскость, в целом не в слишком значительной степени, несколько скрыто и специфично, придается данному слову, проистекает в нем от *позиции* – того, кто оценивает, авторитетной, авторитарной, дающей право оценивать и судить: тот пишет (*писун, писатель, писака, писарь, писарчук, бумагомарака, бумагомаратель, сочинитель, пачкун*), а этот пляшет – *плясун [чертов]*, вместо того, чтобы заниматься делом, тем, чем положено всем остальным, лишенным права себе самим выбирать занятие.

Плясун, тем самым, в связи со сказанным, можно было бы охарактеризовать как поведенческий дигрессив (лат. *digredior, digressus sum*

³ Значения даются по Большому толковому словарю русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2000.

‘отходить, уходить, удаляться; уклоняться’). Последующие оттенки категориального подзначения выводятся на основе признаков слов той же группы, что позволяет установить имеющиеся в данном звене классифицирующие, характеризующие оценочные слова различия. Определение их требует достаточно подробного анализа немалого списка слов, что не входило в поставленную задачу.

Еще одно советизированное значение слова *плясун* ‘тот, кто пляшет, выплясывает, угодничает, лебезит перед начальством, стараясь ему угодить, всегда готовый по первому зову броситься выполнять любое желание и требование’, это значение также относится к категории поведение и к той же третьей группе (от системы к субъекту-лицу), но с другим показателем, общим у данного значения слова с *писун* – поведенческий релятив эксплицитного и элективного типа. Поведение угодника-плясуна имеет явный, не укрываемый характер (отсюда его эксплицитность), направленный выборочно на того или тех, перед кем выплясывают (остальные объектом подобного проявления не являются), и, возможно, также выборочно, ради каких-то определенных целей, из чего следует элективность. Видимое отличие значений *писун* и *плясун*, равно как и двух разных значений слова *плясун*, состоит в занимаемой позиции оценивающего: с точки зрения институтива – представителя власти, структур, аппарата, системы, позиции авторитетной и авторитарной, и с точки зрения ингрессива (лат. *ingredior, gressus sum* ‘вступать, входить’) – не носителя власти, представителя множества, элемента массива, втянутого в общий состав и, волей или неволей, являющегося частью советского социального целого. Дальнейшее отличие *писун* и второго *плясун* будет связываться с семантикой производимых действий, имеющих разный характер. *Писать* – письменно сообщать, информировать, изливать на бумаге некое содержание, имеющее следствием, под видом исправления системы, мешать, отвлекать от дела ее исполнителей, в конечном счете, вредить. И *плясать* – прыгать, скакать на месте, выписывая ногами перед начальством всевозможные выкрутасы и кренделя, с намеренной целью выслужиться, добиться расположения, что-нибудь себе получить, возможно и часто за счет другого (других), тем самым, косвенно, а нередко и прямо, этим другим (другому) во вред.

Указанная здесь двойственность в проявлении оценочной категориальной семантики, связанная с позициями институтива и ингрессива (стоящего *над* и находящегося *в, внутри*), возможно, имеет достаточно регулярный характер, представляя две взаимодействующих разновидности советского языка. Проявление той и другой наблюдается как в непосредственных реализациях двух значений единого слова, по-

разному, нередко коррелятивно, связанных между собой, так и, практически в любом допустимом случае, потенциально отображая себя в словоупотреблениях, в узусе, речевых контекстах, типичных высказываниях, предполагающих соответствующую оценку.

Остающиеся два не разобранных слова – *шептун* и *пачкун*, – как представляется, можно было бы отнести к еще одной категориальной группе, выводимой по основанию отношение к **действию**. В словах подобного типа оценивается не поведение обозначаемого ими субъекта-лица, хотя поведение, как таковое, при этом не исключается. Оценивается их действие в смысле целенаправленного и(ли) прямо следующего из этого действия вреда. Референты слов этой группы в первую очередь агентивны, поскольку не просто ведут себя как-то, каким-то образом в том или ином негативно оцениваемом отношении, как *плясун, писун, топтун, крикун, говорун*⁴, часто потому, что иначе не могут, такова их особенность и отличительная черта, а в большей или меньшей мере сознательно и намеренно действуют, делая это отнюдь не случайно, не потому, что ничего иного не могут и не по одной только природе своего „я”. Отсюда большая сила их негативной оценки. Если слова типа *плясун, писун, топтун, крикун, говорун* содержат оценку пренебрежительно-снисходительную, возможно презрительную, неприязненно не одобряющую, насмешливо-раздраженную, злобную вследствие утомительности, надоедливости, однообразия и избыточности досадных и беспокоящих проявлений, то слова группы действия связаны с более сильными чувствами. Такими, как обличение, суровое осуждение, разоблачение, приговор.

Шептун оценивается как тот, кто за спиной, не публично, тайно и скрыто ведет подрывную деятельность, злобствует, критикует, клеветает, высказывает свое недовольство, нанося этим видимый и ощутимый вред и урон тому, на кого или в отношении и по поводу чего он *шепчет*. С позиции институтива это злобный и тайный враг, клеветник, распространяющий слухи и сплетни, подрывающие стабильность, порядок и в целом советский строй, сеющие в массах сомнения, неуверенность, неприятие, неодобрение, недовольство и страх. С позиции ингрессива это наушник, нашептыватель, доносчик, сексот, тот, кто тайно, скрыто доносит о чем-либо или о ком-либо по секрету на ухо начальству. Семантика глагола *шептать* задей-

⁴ *Говорун* в советском смысле тем отличается от *болтуна*, что *болтун* выбалтывает скрытое знание, секреты, а *говорун* говорит пустое, ненужное, бесполезное, тратит время на это свое занятие (как и *писун, плясун*), т.е. на говорение, болтовню, вместо того, чтобы делать что-то, работать, строить, принимать активно участие в общем деле. Потому что такая его природа, такова черта его поведения, проявления, потому что не может он удержаться от того, чтобы не говорить.

ствуется при этом во всех своих возможных значениях: произносить что-л. тихо, шепотом, чтобы другие не слышали, на ухо, конфиденциально и за спиной; шелестя, как шум ветра в листьях, повсюду, негласно, неявно, неуловимо; передавая слухи, переноса секреты, наговаривая и оговаривая кого-л. перед кем-л. (*шептать по углам*); заговаривая как бы при этом, заклиная, колдуя и ворожа (*шептать на воду, шептать на пагубу*), из чего следует представление о действии подозрительном, связанном с тайными укрываемыми знаниями и нечистом по своему характеру, происхождению и в своих намерениях. Действие, которое можно было бы охарактеризовать, в ключе разбираемого, как акциональный субрутив (лат. *subruo, subrutum* 'делать подкоп, подкапывать; подрывать, разрушать; портить, валить, опрокидывать') имплицитного (поскольку скрытый) и элективного типа (поскольку выборочно направленный).

Пачкун также двойственен. С точки зрения институтива это тот, кто своими высказываниями или произведениями марают, позорит, порочит советский строй, то общество и ту страну, которые его воспитали и выкормили, дали образование и т.д. Сила негативной оценки, следовательно, состоит, с одной стороны, в намеренном действии, имеющем смысл и цель опорочить, а с другой, в предательстве, желании очернить строй и систему, в которой вырос. С точки зрения ингрессива *пачкун*, прежде всего, аморален и в нравственном отношении нечистоплотен, своими действиями, при благоприятствующих условиях, готов опорочить и опозорить женщину в глазах окружающих, коллегу, приятеля в глазах начальства. Действия его могут иметь как намеренно-целенаправленный, так и не обязательно таковой характер, следуя из обстоятельств, желания выслужиться, предстать в выигрышном свете за счет других, просто из удовольствия кого-то запачкать, унижить, почувствовав при этом свое превосходство, силу и власть над другими. Так же как и в институтиве, *пачкун* ингрессива имеет две стороны – внутреннее стремление, неодолимую тягу мараить и грязнить, и неразборчивость, проявляющуюся в безразличии к объекту и месту такого действия, – то, что рядом, близко, что окружает, кому и чему обязан, к кому и к чему должен испытывать чувство признательности, привязанности, уважения, почтения, благодарности. В основе категориального определения слов рассматриваемой разновидности лежит характер направленно-воспринимаемого действия (действий) субъекта-лица. В связи с этим данное слово также можно определить как акциональный субрутив, но, в отличие от предыдущего, – эксплицитного, поскольку открытого, не укрываемого, и обобщенного, не элективно-го, типа (ко всему окружающему как таковому, а если реально, то на кого или что попадет).

Итак, как следует из рассмотренной группы слов, мотивационное отношение советизированных единиц негативной оценки при обозначении человека непосредственно опирается на семантику и коннотации не столько общенародных своих коррелятов (что, впрочем, никак не исключено), сколько тех слов, в рассмотренных случаях соответствующих глаголов, с которыми они связываются отношениями производства – в параллель к разговорному корреляту либо через него. В любом случае поддерживающая коннотативная, ассоциативная и смысловая связь с глаголом оказывается сильна и весьма ощутима. При этом глагол составляющими едва ли не всех характерных своих значений так или иначе участвует в формировании оценочной семантики получаемой советской лексемы. Оценочные слова общенационального разговорного языка, если они по своим значениям не совпадают с советизированными, присутствуют по отношению к ним дополнительным, иногда не всегда ощущаемым фоном, не обязательно осознаваемым в своей семантике в употреблении (хотя подобные соотношения могут быть разными). Покажем это на примере рассмотренных слов *шептун* и *плясун*:

Шептун 1. 'скрыто клеветующий на советскую власть' < *Шептать* 2-го и др. знач.

2. 'наушник, доносчик начальству, сексот' < *Шептать на ухо, в уши*

Шептун 1. 'тот, кто шепчет, говорит тихо, шепотом' < *Шептать* 1-го знач.

2. 'тот, кто распространяет слухи и сплетни' < *Шептать* 2-го знач.

3. 'знахарь, колдун' (устар.) < *Шептать* 3-го знач.

Шептун 1-го значения советского языка следует из 2-го общеразговорного значения, совпадает с ним, напрямую при этом соотноситься с соответствующими значениями глагола; 1-е и 3-е знач. присутствуют дополнительно.

Плясун 1. 'танцовщик балета, способный покинуть страну' < *Плясать* 1-го и др. знач.

2. 'угодник перед начальством' < *Плясать перед кем, под чью-л. дудку*

Плясун 1. 'тот, кто пляшет, умеет плясать' < *Плясать* 1-го знач.

2. 'о том, чьи движения напоминают пляс' < *Плясать* 2-го знач.

Плясун 1-го значения советского языка в большей мере семантически и оценочно связан с семантикой и коннотациями глагола, хотя и выводится из 1-го значения существительного, которое не содержит всех тех оттенков и коннотаций, которые характерны глаголу – *неутомимый п., зажигательный п.* Как разговорное, не отмечаемое словарями, следовало бы отметить значение 'плохой танцовщик-профессио-

нал, не умеющий танцевать хорошо, как надо, на базе которого и появляется соответствующий советизм, развивая оттенки, связанные с увлеченностью, уходом в единственное занятие и в себя с возможностью «пляски отсюда», т.е. убеганием из страны (семантика поведенческого дигрессива).

Это последнее обстоятельство, как представляется, и составляет условия перехода лексемы общенародного языка и становления ее единицей советского узуса. Границы подобного перемещения связываются с приобретением единицей тех семантических и коннотативных признаков, которые следуют из семантики и коннотаций советского языка, представляющего собой в этом своем отношении особым образом организованную, концептуальную парадигмосистему, устроенную по типу картины мира, языковой советской картины мира как таковой. В связи с этим полное и обстоятельное определение единиц-советизмов неизбежно должно предполагать отнесение к этой системе, соотношения, следствия, отражения и связи с ней. Некоторые семантические черты и признаки данной системы были в предпринятом до сих пор анализе выявлены и при описании единиц учтены. Система складывается, по крайней мере действующий ее в связи с рассмотренным материалом фрагмент, из отношения *opus finitum* (наиболее важного, отправного и целевого, ее компонента – советский строй, режим, институты, строительство социализма) к субъекту-лицу, из отношения социального множества, общества, социума к субъекту-лицу и из обратных соотношений (см. табл. в предыдущей статье). Данные отношения, формируя группы, определяют степень советской актуализации, а тем самым, отчасти, степень советизированности языковой единицы. Влияют на эту степень, определяя одновременно ведущие категориальные признаки и их подзначения, также связанные с фрагментом языковой советской картины мира, являющиеся его составляющими, выведенные и проиллюстрированные в своих отражениях отношения места, знания, поведения, действия. Отношения эти, являясь общими для советской картины мира в целом, на последующих уровнях своего уточнения становятся средством типологического описания семантики языковых единиц, что также было показано на некоторых примерах (поведенческий демонстратив, релятив, дигрессив, имплицитного / эксплицитного, обобщенного / элективного типа и пр.).

Степень советизированности единицы обусловливается нередко узуальными и темпоральными предпочтениями, степенью актуализированности к политическому моменту соответствующих, ей приписываемых или уже в ней имеющих, коннотативных значений. Следы таких состоявшихся предпочтений могут затем сохраняться, оставаться в ней и после деактуа-

лизации. Из выбранных к рассмотрению двенадцати слов на -ун порядки подобного узуального распределения можно было бы обозначить следующим образом:

1. Единицы первой, наибольшей степени советизированности: *несун, болтун, топтун / топотун*.

2. Единицы второй такой степени: *летун, крикун, говорун*.

3. Единицы третьей степени: *шептун, плясун, писун, пачкун*.

4. Единицы четвертой степени: *хрипун, прыгун*.

Что реально влияет на эту степень, какие языковые признаки? Опуская все остальные возможные и подробно рассмотренные ранее как категориальные и имеющие отношение к парадигмосистеме, хотелось бы обратить внимание в данном месте еще на одну черту. Это степень оторванности, изолированного присутствия и восприятия в языковом сознании говорящего соответствующего оценочного значения слова советского языка в отношении значений того же слова, но общеязыковых. Критерий подвижный и относительный. Влияют на него, во-первых, появление слова как новообразования советского языка (*несун*) и потому невозможность установления для него соответствующих корреляций с общеязыковыми значениями. Во-вторых, развитие очень значительных, актуальных и в какой-то период времени весьма активных семантических и коннотативных признаков, делающих слово определяющим знаком-символом соответствующего этапа и связанной с ним политики (*болтун*). В-третьих, значительное лексическое смещение, возможно заимствование из не общенародного языка (диалект, жаргоны), и оттеснение общеязыковых значений того же слова на периферию, вытеснение их с точки зрения активности и актуальности (*топтун / топотун* для устной формы советского языка). Что касается слов второй степени, то их соответствующие употребления характеризует незначительная степень смещенности общих значений, часто даже не воспринимаемая в своем доведении, ощущение советизированного значения в реализации, часто следующей из фразеологизованных сочетаний: *летать с одного места работы на другое – летун; кричать с трибуны, на митингах, на каждом углу – крикун; говорить вместо того, чтобы дело делать – говорун*. Единицы третьей степени характеризуются нередко специфической ограниченностью употребления, не общей распространенностью в языке советской действительности, особенностью и неприятельностью, возможно грубой, окраски, исключаяющими их из форм официально публицистического использования как основного и наиболее характерного для советского языка: *плясун, писун и пачкун*, характерные прежде всего для речи партийно-номенклатур-

ных работников и сотрудников органов наблюдения, *шелтун* – как очень резко окрашенное и потому ограниченное в своем использовании значение. Единицы четвертой степени могут быть охарактеризованы в целом как малоупотребительные в соответствующих советских значениях, требующие контекстов и ситуаций, возможно поэтому не очень воспринимаемые и распознаваемые как единицы советского языка: *хрипун* предполагает понятным из ситуации референтом какого-нибудь несоветского духом барда, певца, поэта, вещающего из-за границы по радио диктора, эмигранта; *попрыгун* фигурирует как синоним слова *летун*, как его замещение, нередко при этом в общем контексте.

Рассматривая характер негативной оценки при обозначении человека в языке советской действительности с точки зрения составляющих эту оценку категориальных обоснований, стоит, по-видимому, также задуматься над тем, существует ли нечто общее, что объединяет все эти признаки, мотивируя определенным образом саму такую оценку. Это общее, если оно существует, должно быть связано с языковой советской картиной мира и отражать магистральную линию ее отношения к человеку, к его позиции, месту внутри себя, фактически быть воплощением советского взгляда на человека, концепции человека как таковой. Отвлекаясь от всех возможных и не случайных в данном случае ассоциаций по поводу колесика-винтика общей системы, участия в общем процессе и деле строительства социализма как его составляющая необходимая часть, по поводу благонадежности и лояльности, готовности быть и служить, по поводу преданности и самоотдачи как требования, предъявляемого к каждому и отдельно представителю общества и коллектива, необходимо выявить признаки, которые отражаются в коннотативной семантике исследуемых единиц. Выявить мотивирующую основу категориальной системы оценки. Подобной основой, как позволил установить анализ отобранного для изучения материала, могло бы быть невхождение человека как единицы, лица в организуемое, собираемое, объявляемое советское целое, его несоветскость, несоответствие, по тому либо иному категориальному основанию (и это основа исследуемой категориальной парадигмосистемы), формируемому образу требуемого общественного коллектива. Признак этот можно было бы назвать **декорпоративностью**, поскольку предполагаемой и желательной-требуемой его противоположностью, как позитив, являлась бы корпоративность – вхождение и соответствие, согласованность с декларируемым общим – *opus finitum* как его достигаемая цель, организуемым для достижения этой цели состоянием общества (социального множества), объявляемыми к осуществлению действиями и процессами для

достижения цели, определяемые как действия и процессы совместные, т.е. опять-таки корпоративные.

Декорпоративность как минус, ущерб, негатив в отношении человека, его неспособность или же нежелание быть заодно с направляемым к осуществлению поставленной цели общественным коллективом, имеет свои причины и основания, которые должны быть выявлены и обозначены. В этом и состоит смысл негативной оценки, и это же составляет основу ее дальнейшего категориального различия. Рассматриваемая негативная оценочность в отношении человека, в дальнейших ее различиях и уточнениях, становится способом дифференциации социальной множества, используемого как инструмент и как средство для достижения политических целей, способом селективного, выборочного и сортирующего отношения к человеку. Важно определить и сказать, кто есть кто в отношении *opus finitum* и того, что с ним связано, что может влиять на его желаемое и направляемое осуществление.

В связи со сказанным выявляемые категориальные основания и их подзначения не могут быть безразличны к порядку и месту в системе, будучи отражением декорпоративности в той или иной позиции негативно оценивающего, отнюдь не случайным образом, взгляда. Однако прежде чем пробовать установить их места и порядок в системе, отношения друг к другу и в общей связи, необходимо представить все категориальные основания, которые в ходе анализа оказалось возможным установить.

Таких оснований получилось семь. Четыре из них – отношение к месту, знанию, поведению, действию – при рассмотрении слов с суффиксом *-ун* себя проявили. Еще составило категориальный признак отношения к обладанию и два, несколько отстоящих в своей позиции к пяти остальным, были названы кумуляцией и презентией. Прежде чем дать необходимую характеристику с определением каждого из семи оснований и установить их порядок в системе, представим их для начала в виде дифференцирующих признаков групп:

Место: *несун, летун, попрыгун, топтун / топотун, невозвращенец, нарушитель (границы), перебежчик, окруженец.*

Знание: *болтун, шпион, доносчик, переносчик (слухов), клеветник, сыщик, сексот, осведомитель, информатор, трансформатор, агитатор, фальсификатор, инсинуатор, просветитель, разглашатель, громкоговоритель, выдумщик, фантазер, прорицатель, пророк, догматик, вульгаризатор, эпигон, начетчик, попугай, стукач, дятел.*

Поведение: *крикун, хрипун, плясун, писун, говорун, пьяница, прогульщик, подхалим, аллилуйщик, писака, авантюрист, делец, предприниматель, сочинитель, писатель, графман, бумагомаратель, бюрократ, чиновник,*

чинуша, стилига, перевертыш, последыш, позер, службист, аккуратист, политикан, обещалкин, пораженец, паникер, интеллигент, перестраховщик, вольтер, комплиментщик, жалобщик, нытик, шкурник, ловчила, ловкач, потребитель, антиобщественник.

Действие: *шептун, пачкун, пасквилянт, наушник, бракодел, саботажник, авральщик, штурмовщик, срывщик, порубщик, лакировщик, полировщик, антисоветчик, диверсант, провокатор, халтурщик, предатель, зажимщик, прижимщик, критикан, очковтиратель, поклепщик, подговорщик, наговорщик, анекдотчик, мироед, кровосос, кровопийца, живодер, мародер, отравитель, поджигатель, вредитель, расхититель, соглашатель, вымогатель, членовредитель, хулиган.*

Обладание: *взяточник, мешочник, перекупщик, валютчик, фарцовщик, карманник, шабашник, рвач, хапуга, хищник, барышник, стяжатель, пенкосниматель, нэпман, фабрикант, спекулянт, барыга, куркуль.*

Кумуляция: *лишенец, лавочник, обыватель, мещанин, иждивенец, трутень, дармоед, паразит, буржуй, единоличник, подкулачник, хозяйчик, господчик, попутчик, алиментщик, церковник, частник, собственник, мелкий собственник, гебист, отщепенец.*

Презенция: *левак, кулак, беляк, дворянчик, купчик, оппортунист, военспец, пацифист, аппаратчик, комитетчик, диссидент, отказник, лабазник, наемник, подзаборник, сожигатель, служитель (культы), оппозиционер, бывший, примазавшийся.*

Место в исследуемой системе рассматривается как отношение к некоторому пространству, локализация самого субъекта-лица либо объекта взаимодействия с ним со стороны субъекта, позиционное, точечное, отмеченное в границах субъектного проявления. Место может определяться как важное или неважное при характеристике, влияя тем самым на соответствующие подзначения внутри данной группы: как территориальное советское целое, актуализированное к его пересечению (*нарушитель*) и оставлению (*невозвращенец*); как место производственного участия советского коллектива (*несун, летун, попрыгун*); как локус пространственного самовосприятия субъекта с представлением о нарушении, вторжении в него со стороны советского органа наблюдения (*топтун / топотун*) и т.п. Признаками места, тем самым, становятся а) способ пространственной реализации, восприятия, протяженность – территориальное целое, место-объект (помещение, территория), точка / точки пространства; б) наличие актуальных либо неактуальных границ с точки зрения возможного нарушения, пересечения, удаления; в) отмеченность либо неотмеченность присутствием либо участием на нем социальных множеств, других субъектов; г) единичность / множественность / безразли-

чие актуальной проекции к территории, месту-объекту, точкам пространства (скажем, *несун, невозвращенец, перебежчик* для первого подзначения; *летун, попрыгун* для второго; *топтун / топотун* для третьего); д) отношение к аутоперцепции субъектного „я”, восприятие / невосприятие места как своего / чужого.

Знания определяются как сведения, информация не общего характера, известные одним и не известные другим. Как укрываемые, не объявляемые, они становятся объектом установления, разглашения, передачи и слежки. Как не укрываемые – распространения, оповещения, пропаганды, искажения, преувеличения, обмана и лжи. В структурном своем отношении знания устроены подобно категории места, т.е. для них допустима возможность иметь позиционный характер, отмеченный границами проявлений субъектов (субъекта); быть важными или неважными в отношении содержания; представлять отношение к целому (государственная тайна, советская идеология, сведения, касающиеся всей страны), к какой-то части (сведения, касающиеся отрасли, местности, предприятия, коллектива, группы лиц); к отдельному субъекту-лицу. Для знания также существенным оказывается пересечение, нарушение границ в смысле закрытости, не общей известности, ограничения к распространению. Третий признак (отмеченность / неотмеченность присутствием либо участием субъектов для места) у знания получает вид, также исходно связанный с субъектной отмеченностью, но интерпретирующийся в аспекте способности / неспособности эти исходные знания, сведения правильно применить (*догматик, эпигон, вульгаризатор, начетчик, попугай*). Четвертый и пятый признаки (единичность / множественность и отношение к аутоперцепции „я”) на уровне языковых значений для данной категориальной группы не актуальны, хотя способны себя проявить в речевой ситуации.

Поведение можно интерпретировать как свойство по проявлению, характеризующему субъекта и отличающему его от других. Свойство это воспринимается, во-первых, в отношении того, как ведет себя данный субъект, и, во-вторых, в отношении чего он себя так ведет. То есть, иными словами, какое несоответствие желаемому образу инкорпоративно-советского поведения и в отношении чего конкретно в советской действительности дает себя в нем обнаружить. В каждом отдельном случае отклонение от желаемого норматива к чему-то ведет, что-то за этим стоит и из этого может следовать. *Крикун* своими громкими выступлениями, намеренно или нет, дестабилизирует сложившийся status quo. *Хрипун* своим неприятным скрипучим голосом на самом деле не принимает советской действительности, не соглашается с ней, объективно – ее отрицает. *Плясун*, увлекаясь своим занятием, делает вид, что не заме-

чает того, что должно занимать советского человека, уклоняясь, тем самым, от дела строительства социализма. *Писун*, обращаясь письменно с жалобами в инстанции, недоволен, поскольку видит кругом недостатки, концентрируется на них и отвлекает от настоящего дела. *Говорун* говорит много лишнего, чего не следует говорить, дезорганизуя, тем самым, и отвлекая. *Пьяница*, также как и *плясун*, является уклонистом: посвящая время и силы питью, выключает себя из общего дела, дезорганизуя к тому же других. *Прогульщик* отлынивает от дела и также дезорганизует. *Подхалим*, выслуживаясь перед начальством, стремится использовать свое незаслуженно получаемое таким образом положение не на пользу общему делу (тем самым, также и уходя от него), а в личных целях. *Аллилуйщик* излишними восхвалениями также дезорганизует и отвлекает от выполнения стоящих задач. *Писака*, как *говорун*, *писун* и *плясун*, много, возможно лишнего, возможно также, что увлеченно, пишет, вместо того чтобы, как все другие, работать и остальным не мешать. *Авантюрист*, прежде всего политический, дестабилизирует своим безответственным и лично заинтересованным поведением сложившуюся систему преемственности и отношений в руководящем звене. *Делец*, равно как и *предприниматель*, увлеченный собственными интересом и выгодой, в отношении общего дела строительства социализма, личных выгод не предполагающего, оказывается в лучшем случае лицом бесполезным. *Сочинитель*, *писатель*, как крайняя степень того же самого *графоман*, определяются в интересующем нас ключе в том отношении, что, занимаясь своим поглощающим их занятием, самодостаточно и автономны, воображая, что что-то там значат, а общее, выполняемое всеми дело их не касается и им для самореализации и самооценки не нужно: *Подумаешь, там какой-то писатель! Вот еще (тоже мне) сочинитель (создатель, изобретатель, первооткрыватель и пр.)!*

Поведение, таким образом, оценивается в отношении **замещения** и **выключения**. Замещения лицом-субъектом общей, корпоративной деятельности, связанной с провозглашаемой финитной целью – строительством советского общества и социализма, с выключением себя из нее, деятельностью другого рода, как правило, субъективной и личной. То есть, тем самым, деятельностью значительно более низкого уровня и значения и, к тому же, как следствие, декорпоративной. Направления такой оценки связываются с дестабилизацией, неприятием (дезацептацией), уклонением (дигрессией), нарушением в правильном действии и структуре (дезорганизацией) – советской действительности как таковой в ее целостности, сложившихся, свойственных ей, в том числе и общественных, отношений, характерных положений момента, руководящих органов, институтов и

аппаратных структур, процессов функционирования и формирования в проекциях к видам и формам деятельности. Дополнительными, хотя существенными в отношении оценки, становятся для категории поведения такие признаки, как избыточность, интенсивность и неоправданность. Оцениваемое как негативное, кроме того, что связано с той или иной содержательной составляющей – дестабилизация, дезацептация и т.п. действительности как целого, ее общественных отношений, руководящих органов, аппарата и пр., – может быть еще и усилено, проявлять себя чересчур активно, в избыточно-преувеличенной форме (*писун*, *писака*, *крикун*, *аллилуйщик*, *бумагомаратель*, *стиляга*, *паникер*, *аккуратист*, *службист*, *нытик*, *ловчила*) либо с претензией, не соответствующей способностям или действительному положению вещей (*графоман*, *позер*, *комплиментщик*, *перестраховщик*).

Действие, по сравнению с поведением, более сильная составляющая рассматриваемой парадигмосистемы. В отличие от поведения, выступающего как характеристика свойства субъекта, себя тем или иным образом, вольно или невольно, намеренно или нет, проявляющего, действие представляет умышленный и сознательный вид агентивного проявления субъекта, как опосредованно, так и непосредственно направляемого им к совершению вреда. Вред этот может быть подрывным (субрутив) – *шептун*, *пачкун*, *пасквилян*, *наушник*, *наговорщик*, *поклепщик*, *предатель*, *хулител*, *соглашатель*; портящим (корруптив) с точки зрения искажения – *антисоветчик*, *анекдотчик*, *провока*, *халтурщик* или срыва – *бракодел*, *саботажник*, *авральщик*, *штурмовщик*, *срывщик*, *диверсант*, *растратчик*, *членовредитель*; ломающим, уничтожающим (деструктив) – *порубщик*, *отравитель*, *поджигатель*, *вредитель*; скрывающим истинное положение вещей (обскуратив) – *лакировщик*, *полировщик*, *очковтиратель*; посягающим на достоинство, честное имя, добро и неприкосновенность (инвазив) – *мародер*, *живодер*, *мирод*, *кровосос*, *кровопийца*, *шантажист*, *вымогатель*. Вред может иметь в виду или быть прямо нацеленным на советский строй как целое, на отдельные его составляющие, корпоративную деятельность советского общества в различных ее проявлениях, а также на благополучие, здоровье и жизнь советских людей.

Обладание связывается с незаконным или неодобряемым получением, присвоением, приобретением в собственность, прежде всего материальных, благ, представляющим собой результат используемой позиции – *взяточник*, *хапуга*, *пенкосниматель*, *нэпман*, *фабрикант*, деятельности, связываемой с обманом, перепродажей – *мешочник*, *перекупщик*, *фарцовщик*, *барышник*, нарушением законов – *валютчик*, *шабашник*, воровством – *карманник*, обу-

словленный свойством лица-субъекта – *рвач, хищник, стяжатель, барыга, куркуль*. Смысл негативной оценки концентрируется вокруг по-сессиивности декорпоративного типа, в ущерб и за счет других, в том числе и в первую очередь советского общества и его членов. Отсюда намеренно социализируемый и потому в итоге своем связываемый с финитной деструкцией (для *opus finitum*) характер, приписываемый категории обладания. Тот, цель которого обладать и присваивать, вместо того чтобы участвовать в общем деле строительства социализма, отстает от корпоративного принципа вхождения в организуемое социальное целое и партиципации в нем, направленной на достижение общей цели. Отсюда три получившихся и взаимосвязанных подзначения, как субъективных препятствия к необходимому состоянию – изначальное свойство субъекта, его деятельность и позиция, которую он, занимая, использует не во благо общему делу, а ему вопреки. Обладание, тем самым, становится своего рода обратным отображением, отрицанием предлагаемой позитивной модели советской действительности, воплощаемой в общественной деятельности, и положения субъекта в ней, затрагивая ее входящие составляющие – квалитатив, узитатив и ситуатив.

Два оставшихся категориальных признака находятся в отношениях взаимной соотносительности. Как концентрирующий, вбирающий в себя, заряженный антиобщественный декорпоративный, враждебно настроенный (возможно, потенциально) элемент – кумуляция. И как элемент, подобным же образом себя проявляющий, но центробежный, и потому направленный из себя, не внутрь и не внутри себя. Признак, в большей мере связываемый, в отличие от предыдущего, не столько со свойством и психологией, сколько с позицией, отнесенностью, и потому называемый презентацией в отношении оцениваемого субъекта-лица. В этом последнем случае лицо определяется не как носитель чуждой и декорпоративной в советском значении и понимании общественной психологии и социальных идей (кумуляция), а как представитель чуждой социализированной структуры, как презентивный, а не кумулятивный ее элемент. Структура эта может восприниматься как то, что находится вне или существовало до создаваемой советской социальной структуры, равно как и то, что внутри нее представляет собой ее отрицание, неприятие и антиструктуру – организованную, воображаемую или индивидуальную (неучастия, невхождения, противопоставления себя ей).

В отношении кумуляции это могут быть исключенный из структуры советского корпоратива и потому потенциально опасный как затаившийся враг – *лишенец, буржуй, подкулачник* (с точки зрения институтива), *гебист* (с точки зрения ингрессива), носитель декорпоративной

общественной психологии в силу каких-либо социальных – *лавочник, обыватель, мещанин, единоличник, хозяйчик, господчик, церковник, частник, собственник, мелкий собственник*, либо индивидуальных причин – *иждивенец, трутень, дармоед, паразит*, отколовшийся, уклоняющийся, колеблющийся, сам себя исключивший, не (до конца) признающий советских принципов и общественных норм – *попутчик, алиментщик, отщепенец*.

В отношении презенции значения подразделяются следующим образом: представитель внешнего несвоего, несоветского, открытый и явный – *беляк, дворянчик, купчик, лабазник, наемник*, скрытый, неявный – *военспец, пацифист, служитель (культы)*, представитель внутреннего несвоего, несоветского, открытый и явный – *кулак, оппортунист, диссидент, отказник, оппозиционер* (с точки зрения институтива), *аппаратчик, комитетчик* (с точки зрения ингрессива), скрытый, неявный – *левак, бывший, примазавшийся, подзаборник, сожитель*.

Семь представленных категориальных значений отображают устройство парадигмосистемы советизированного языка, которая действует как основа для соответствующего производства и восприятия смыслов, т.е. как его генеративная и перцептивная база. Семь этих значений связаны отношениями, позволяющими, с одной стороны, определять их в системном единстве, с другой, – устанавливать группы и виды взаимных соположений, с дальнейшими уточнениями в подгруппах и подзначениях. Семь значений, как следует из их рассмотрения, имеют три объединяющих их основания, по которым они могут быть объединены соответственно месту в общей системе.

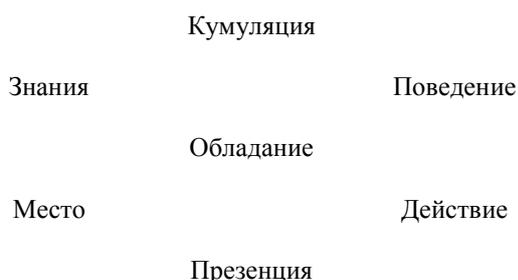
Первым таким основанием, объединяющим категории места и знания, будут **границы** и **протяженность** с различием конкретного (место) и отвлеченного (знания). Конкретное воплощает и обнаруживает себя как пространство, т.е. протяженность, субъектного проявления в границах определяемой территории или точки (точек). Отвлеченное – как информация, т.е. некое содержание (объем, протяженность) в границах не объявляемого, скрывающегося, или, напротив, распространяемого, предназначаемого к оповещению, – как объект субъектного проявления.

Категории поведения и действия объединяются по основанию **субъектного проявления**, различаясь по признакам *свойство* (поведение) и *акция* (действие). Тем самым, с одной стороны, категории этого основания могут быть определены во взаимном соотношении – статичный носитель признака по проявлению в привычном занятии, действии, деятельности (поведение) и динамичный, активный производитель, или агент (действие). С другой, эти две категории статичного и динамичного проявле-

ния субъекта связываются с двумя предыдущими – местом субъектного проявления, проекцией данного основания к пространству, в его границах и протяженности, и знаниям как отвлеченному объекту субъектного проявления и существующему, также как место, в своих абстрактных границах и протяженности.

Третьим основанием будет **отношение к структуре** социума, объединяющее категории обладания, кумуляции и презенции. Обладание при этом характеризуется с точки зрения субъектного проявления к общему, с пребыванием, нахождением субъекта внутри. Кумуляция и презенция – в отношении к социуму как исключенное / исключившее себя из него (кумуляция) и как находящееся вне / внутри него несвое (презенция).

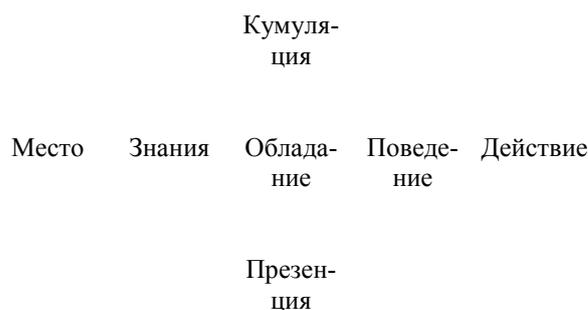
Пять оснований образуют группу субъектного проявления – место, знания, поведение, действие, обладание, противопоставляясь кумуляции и презенции как основаниям субъектной позиции и субъектного отношения к структуре социума. Обладание, включая признаки субъектного проявления к социальной структуре, объединяет и связывает те и другие, выполняя роль своего рода центра. В зависимости от способа представления описываемой категориальной системы соотношения ее составляющих могут быть разными, но центр (обладание) и ось (презенция, обладание, кумуляция) сохраняются. Одним из возможных видов подобного представления может быть следующий:

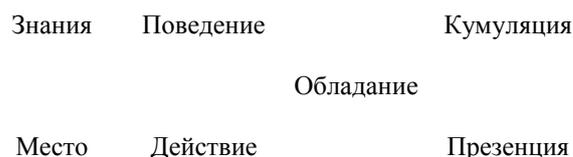
Левая часть построения связывается со статическим, правая – с динамическим в проекции к проявлению субъекта. Верх модели тяготеет к пассивности и отвлеченности, низ – к активности и конкретности. Осевая отображает связи и переходы от левой, статической составляющей к правой и динамической. Центр – от пассивности и отвлеченности к активности и конкретности. Следствия из указанных соотношений отображают себя в семантике коннотативно-оценочных обозначений, связанных между собой и включающих часто общие компоненты, по-разному организуемые в своих составляющих, с разной долей участия статического и динамического, пассивного и активного, отвлеченного и конкретного сопровождений.

Возможны также другие проекции определяемой модели, связанные с иным характером

представления категориальных соотношений. В качестве иллюстрации покажем две из них:

Данный вид отражает по горизонтали ось перехода от статического к динамическому в модели. Обладание, помещенное в центре, одновременно втягивает с себя и из себя испускает семантику всех остальных категорий, устанавливая их симметричные соотношения: Место – Действие, Знания – Поведение, Кумуляция – Презенция. По горизонтали – через посредство того, что ближе (Знания, Поведение), устанавливаются соотношения с тем, что второе и дальше (Место, Действие) и что, в свою очередь, направляется, связано и непосредственно взаимодействует со своим ближайшим и с центром как опосредующим. По вертикали центр выступает как регулятор верха и низа, определяя центробежно-центростремительный смысл проекций того и другого.

В этом случае модель определяет соотношение Знаний и Поведения как отвлеченных признаков в их отношении к конкретным Месту и Действию, также связанным между собой, и находящихся через включающее их семантику Обладание в регулируемых и симметрично определяемых отношениях к Кумуляции и Презенции.

Выступая концептуальным обоснованием производства и восприятия смысла, модель не может рассматриваться в своих составляющих как прямое отображение и воплощение в семантике слов. Существовая в языковом сознании сама по себе, она является способом отражения, интерпретации и восприятия внеязыковой действительности, в категориальных своих значениях и подзначениях становясь оформителем нереперентивной части негативно оценочного значения слова советского языка, по типу объединяемых в словоформе грамматических категориальных значений (*студентом* – муж.р, одуш., ед.ч., твор.пад.), но не для формы слова,

а для советизированного его значения, советизированной формы смысла.

Покажем это на некоторых примерах, взяв для этого слова общего подзначения.

Попутчик: тот, кто временно и только внешне примыкает к какому-л. общественно-политическому движению (преимущественно в эпоху подготовки социалистической революции в России и социалистического строительства в СССР). *Попутчики революции. Мелкобуржуазные попутчики.* | О группе писателей, выходцев из непролетарской среды, в основном поддерживавших политику советского государства в 20-30 годах⁵.

Кумулятивный потенциальностный дигрессив.

Структура данного определения состоит из референтивной („тот, кто“) и предизирующей (все остальное) части. Референтивная часть предполагает обозначением лица по каким-то признакам, отличающим его от других. Предизирующая содержит смысл этого отличия, распадающийся на три составляющих: обстоятельственную образа действия („временно или только внешне“ в определении), собственно предикат („примыкает“) и объектную („к какому-л. общественно-политическому движению“). Определение представляет структуру развернутого высказывания, само определяемое слово, тем самым, также может быть интерпретировано как высказывание, но свернутое, с подразумеваемыми имплицитными компонентами. Какова роль тех компонентов, которые делают слово, как свернутое оценочное высказывание, словом советского языка? Это первый вопрос, на который следовало бы постараться ответить. И второй – каковы роль и место тех компонентов, которые рассматриваются в данной работе как категориальные оформители советизированного оценочного значения?

В разбираемом примере, в отличие от многих толкуемых других, советизирующие слово факторы и компоненты, представлены в скобках и в явном виде („преимущественно в эпоху“ и т.д.). Это прежде всего фактор времени – начальный этап строительства социализма в России и СССР (20-30-е годы, как следует из дальнейшего), т.е. показатель периода активного употребления, использования значения слова в активе, узуальный и внеструктурный. Хотя и не безразличный в идеологическом отношении, поскольку это было не просто время, а время подготовки социалистической революции и социалистического строительства в России и СССР. Отсюда второй и третий советизирующие показатели значения разбираемого слова: отношение к *opus finitum* (финитность как категориальный признак) – социалистическая революция и социалистическое строительство – и

отношение к системе (советский государственный строй) и ее социальному множеству (советское общество).

Советизирующие разбираемое значение факторы и компоненты концентрируются, как следует из рассмотрения, в объектной составляющей предизирующей части определения („к какому-л. общественно-политическому движению“), замещая его собой, из неопределенного и относящегося потенциально к любому движению делая его определенным, привязанным и включенным, втянутым в советскую парадигмическую систему. Элемент «какому-л.» следует понимать как тому, которое стало инициатором и реализатором социалистической революции и социалистического строительства в России и СССР, т.е. большевизму. Элемент «общественно-политическому движению», соответственно, как тому, которое реализовало себя как совершившее социалистическую революцию и строящее социализм, т.е. всему тому, что является общественно-политической силой, все это осуществившей и осуществляющей – всего того, что поддерживает, иными словами, большевизм, а с ним советский строй и советскую власть или является ею.

Категориальные оформители разбираемого советизированного значения слова *попутчик* устанавливают, с одной стороны, отношение – несоветское, антисоветское, не включенное, исключенное и т.п. в своих разновидностях, определяемых в границах признака декорпоративности, и которое может быть явным, а с другой, уточняют характер его проявления и действия для обозначаемого словом субъекта-лица, который может быть далеко не явным и не очевидным. Если первое определяется и уточняется из предикатной части определения: тот, кто временно или внешне примыкает к делу строительства социализма в СССР, – то второе является следствием более дифференцированной процедуры. Примыкает, не будучи органическим элементом, т.е. являясь тем, кто себя не включает, не полностью чувствует единичей целого и не до конца, не все для себя признает, стоит как бы рядом с ней – кумулятив. Примыкая внешне и временно, т.е. будучи только рядом и около, наблюдая со стороны, постоянно внутренне для себя оценивает, что-то признавая и принимая, а что-то не одобряя и с чем-то не соглашаясь. Потому, при какой-либо неудаче социалистического строительства (серьезной и неизбежной или только временной и переходной – оценка его субъективна), при накоплении критической массы для себя в советском строе не признаваемого, будучи и чувствуя себя в структуре советского общества посторонним, он может, при подвернувшемся случае или без такового, но уже не поддерживая, не принимая все наблюдаемое и происходящее в СССР, от всего этого и отойти – потенциальностный дигрессив, основанный на по-

⁵ Значения даются по Большому толковому словарю русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2000.

вышенном субъективном начале, противоположном и чуждом корпоративности.

Алиментщик: Разг. тот, кто платит алименты – денежные средства, которые в установленных законом случаях должны предоставляться родственником нетрудоспособному члену семьи, детям⁶.

Представленное значение не советизированное по виду, мало того, оно, кроме пометы разг., не содержит признаков коннотации и не выглядит как оценочное. И в том и в другом отношении поэтому должно быть уточнено, поскольку в употреблении ему свойственны все эти признаки.

Алиментщик определяется в нескольких отношениях. Во-первых, как бросивший жену с детьми, а потому безответственный, легкомысленный человек, плохой отец, семьянин и никудышный муж и мужчина. Происходит, тем самым, сужение значения по сравнению с определением: не всякий, кто платит, как родственник, нетрудоспособному члену семьи, а только отец на оставленного им ребенка, детей. Во-вторых, как уклоняющийся, обычно и часто, от алиментной уплаты, скрывающийся и скрывающий от судебных органов, исполнителей и бывшей жены действительные размеры своих доходов, место работы и проживания, в связи с этим нередко часто меняющий то и другое, выдавая себя безработным, бездомным и не обеспеченным. В-третьих, как следствие, очень непривлекательный как партнер и возможный супруг для повторного брака. В-четвертых, непостоянный и ненадежный, а потому нередко часто меняющий и бросающий женщин, беременных или с детьми, многодетный отец без детей и семьи. В-пятых, тот, который отцовское воспитание, участие, чувства и все остальное необходимое детям заменил им на деньги, раз в месяц выплачиваемые, нередко к тому же и по решению суда и под наблюдением соответствующих органов. И, наконец, в-шестых, как значение собственно советизированное, связанное с предыдущими определениями и следующее из них, это тот, кто нарушает потенциально советский закон, кто уклоняется, будучи ненадежным и безответственным, морально неустойчивым и укрывающимся, скрывающим свои доходы, место работы и проживания. Из чего также следует кумулятивный потенциальный дигрессив, но в отношении не системы (*opus finitum*), как в предыдущем примере, а социального множества – межличностных, правовых, трудовых и т.п. указанных выше проекций и определений субъекта.

Отщепенец: Пренебр. Человек, утративший, порвавший связь со своей общественной средой⁷.

⁶ Значения даются по Большому толковому словарю русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2000.

⁷ Там же.

В советском смысле под общественной средой следует понимать советский строй и советское общество, т.е. систему, финитность (советское общество, присоединяемое к советской системе, представляет собой само собой разумеющееся, но идеологически важное дополнение). Происходит, тем самым, смещение и замещение семантических компонентов значения: не всякая и не любая общественная среда и даже, собственно, не среда, а советский строй и как его продолжение – советское общество. Порвал и утратил он эту связь обычно не прямо, открыто и сам, а вследствие того или иного антисоветского по своему характеру субъектного проявления (оцениваемого так с позиции института) – кумулятивный реальный абруптив (лат. *abruptio*, *abruptum* 'отрывать, срывать', se a. 'вырываться'; 'внезапно прерывать, прекращать; нарушать; отделять, отрезывать; ломать, разрушать (мосты); вскрывать (вены)'; a. *dissimulationem* 'сбросить личину'), представляемый явно – как абруптив в отношении социального множества, в действительности, но неявно, – в отношении советской системы.

Возвращаясь к структуре определения слова, теперь с позиции возможной ее советизированности, следовало бы выделить в ней три составляющих: 1) субъектную, или собственно референтивную, обращенную к обозначаемому в реальной действительности субъекту-лицу как предмету оценки; 2) релятивную, или предикатную, называющую отношение субъекта-лица как предмета оценки, также негативно оцениваемое, к тому, что обозначается в 3) объектной, или финитной, части, имеющей отношение к представляемой в советском мировоззрении и потому реально-концептуальной действительности. Отчасти эта действительность реальна, являясь воплощением, реализацией определенных социальных идей, отчасти воображаема, оптаивна, представляя собой пример подмены желательного действительным. Однако, поскольку предмет анализа составляют языковые явления, действительность концептуальная также имеет для них объективный характер.

Субъектная, или референтивная, часть семантики слова, будучи обращенной к реальной действительности, не составляет предмета интересующего нас категориального описания, который концентрируется в релятивной и потому предикатной части, с переходом ее, обращением к финитно-объектной.

Субъектная часть, называя лицо, может быть представлена в виде формулировок 'тот, кто', 'человек', 'мужчина', 'женщина', 'представитель', 'носитель', 'обладатель', 'сотрудник', 'член', 'один из', 'работник' и т.п., а также, как, напр., при слове *полутчик* 'о группе писателей, выходцев из непролетарской среды', т.е. ре-

презентивно и описательно. Помимо собственно указания на каким-либо образом определяемое лицо субъектная часть включает в себя также представление о его признаке как характеристике: 'тот, кто' – *такой-то*, 'человек', 'мужчина', 'женщина', 'представитель' – *какой-то-то*. Субъектная часть, иными словами, является атрибутивным обозначением лица-референта.

Релятивная, или предикатная, часть содержит то представление, которое характеризует негативно оцениваемое отношение определяемого в субъектной части лица к объекту реально-концептуальной, и потому, по смыслу и по характеру своему в структуре определения, финитной части. Определяется по рассмотренным категориальным признакам именно эта часть в ее отношении к третьей.

На примере рассмотренного перед этим слова *отщепенец* соотношение частей можно представить следующим образом: 1) человек (тот, кто), оторвавшийся от своих, выкинутый, противопоставивший себя остальным – субъектная, референтивная часть; 2) порвавший, утративший связи с советским строем, исключивший себя из него вследствие антисоветского своего проявления – релятивная, предикатная часть; релятив уточняется как абруптив (кумулятивный, реальностный); 3) финитным объектом, объектом-целью, такого его отношения (кумулятивного абруптива) объявляется советское общество (социальное множество) и советский строй (система).

Для *алиментщик*: 1) мужчина, который, оставив ребенка (детей), является морально неполноценным и неустойчивым членом советского общества; 2) как таковой он может скрываться, утаивать сведения о себе, уклоняться от исполнения возложенных на него по суду финансовых обязательств – потенциальностный дигрессив кумулятива; 3) объектом такого его отношения становится общество, советский закон, потенциально все те, а в первую очередь, женщины, кому с ним придется на соответствующей почве столкнуться (брачной, семейной, финансовой, производственной, правовой).

Для слова *попутчик*: 1) человек (тот, кто) не уверен, колеблется, не полностью, не до конца примыкает, предпочитая быть в стороне, наблюдать, вместо того, чтобы вместе со всеми участвовать; 2) как таковой, примыкая и наблюдая, он в любой для себя подходящий и субъективно так воспринимаемый по любой причине момент, может предать, изменить, отказаться участвовать в 3) общем деле строительства социализма в СССР.

Выявленные в результате проделанного анализа особенности позволяют представить негативно оценочные лексемы, характерные для языка советской действительности, как отражения в своей коннотативно-семантической части мировоззренческой по своему характеру когнитивной системы – советской языковой картины мира. Признаки данной системы, определяя характер типично советского отношения к человеку, укладываются в парадигматику связей, имеющих, с одной стороны, общий, возможно универсальный, характер, с другой, специфическим образом насыщаемых, акцентуруемых и аранжированных. Предполагаемое в дальнейшем на данной основе словарное определение выбранных для рассмотрения лексем позволит более подробно и обстоятельно представить и описать как самую основу, уточнив ее в целом ряде признаков, свойств, компонентов и их отношений, так и определяемый лексический материал. Советский язык, язык советской действительности во всех своих составляющих, будучи следствием длительного лингвосоциологического и узуального языкового и речевого эксперимента, далеко не изучен, а фактически и не рассмотрен, с этих сторон. В указанном отношении он представляет разнобразный и необъятный в своих ресурсах, в том числе исторических, периодических и эпизодических, материал для изучения соотношений политики и языка, мировоззрения, идеологии и их отражений, социальной, институтивной, манипулятивной, антиинститутивной и всякой иной оценки (будучи языком прежде всего коннотаций и номинаций). Подобное его изучение, чтобы быть полным и всесторонним, должно включать в себя как желательное, с одной стороны, системно-парадигматический и когнитивный подход. Конечная цель такого подхода видится в представлении того, что, следуя принятой в последние два десятилетия терминологии, можно было бы определить понятием советской языковой картиной мира в ее категориальных, похожих на грамматику оформления, семантических и коннотативных проекциях. С другой, описание лексикографическое – развернутое, связанное с категориальным и парадигматическим представлением, советского и советизированного лексического и фразеологического материала. Такое его описание, которое бы учитывало в первую очередь его советизированную специфику, сходную и отличную у него от материала общезыкового. Пафос и смысл настоящей работы в подобного рода направленности и состоял.

© Червиньски П., 2008